

Е.А. Михайлова

**Л.Я. Штернберг
в Музее антропологии и этнографии АН:
успехи и разочарования**

Работа Л.Я. Штернберга в Музее антропологии и этнографии (МАЭ) — лишь один из аспектов его интеллектуальной биографии, но именно с этим музеем были связаны самые амбициозные планы и проекты известного ученого и общественного деятеля. И для истории МАЭ первой четверти XX в. Л.Я. Штернберг был, несомненно, фигурой ключевой.

Остановлюсь на двух вопросах, освещающих некоторые грани многоплановой деятельности Л.Я. Штернберга в МАЭ. Во-первых, социально-административный аспект его карьеры в МАЭ. И, во-вторых, музей как воплощение научных воззрений и общественно-политических устремлений Л.Я. Штернберга.

Л.Я. Штернберг поступил на службу в МАЭ осенью 1901 г. внештатным служащим и закончил свою работу в музее, никогда не прерывая ее, членом-корреспондентом РАН 14 августа 1927 г. в связи со смертью. Как выглядел CV Л.Я. Штернберга в тот момент, когда он впервые переступил музейный порог? Народоволец, за плечами которого было три года тюрьмы и восемь лет ссылки на Сахалин. Незаконченное высшее образование (физико-математический факультет Санкт-Петербургского университета и юридический факультет Новороссийского университета). Иудей по вероисповеданию. Отсюда проистекали особые трудности для получения даже временного вида на жительство в Санкт-Петербурге.

Между тем его сильной стороной были эксклюзивные знания в области лингвистики и этнографии нивхов и некоторых других коренных народов Дальнего Востока, значительный опыт полевой и исследовательской работы. Наиболее компетентный исследователь научного наследия Л.Я. Штернберга С. Кан полагает, что работы по этнографии нивхов и поставили его в авангард российской и зарубежной антропологии 1890-х годов [Кан 2009: 11]. Публикации, в том числе в центральных научных изданиях Москвы и Санкт-Петербурга, свидетельствовали о выработанных научных методах

и сложившихся теоретических взглядах ученого. Музейный опыт Л.Я. Штернберга был минимален: в 1893 г. он принял деятельное участие в создании сахалинского краеведческого музея в Александровске.

В Петербург Л.Я. Штернберг отправился в 1899 г. по уже протоптанной В.И. Иохельсоном и В.Г. Богоразом дороге, пользуясь их рекомендациями и контактами в академических кругах. Удачный опыт его друзей и соратников показывал, что директор МАЭ академик В.В. Радлов и некоторые другие академики весьма благоволят к этнографам из политических ссыльных и готовы оказывать им всяческую поддержку. Практический аспект этого сотрудничества заключался в том, что музей получал квалифицированных регистраторов поступающих в музей из Сибири коллекций. Это было чрезвычайно важно для музея, поскольку штат МАЭ был крайне мал и вообще вплоть до самого конца XIX в. в Академии наук не имелось не только этнографической школы, но даже группы ученых, занимавшихся этнографией [История АН 1964: 612].

Что же происходило в музее к моменту появления там Л.Я. Штернберга? В 1901 г. В.В.Радлову удалось в дополнение к второму этажу музейного здания в Таможенном переулке получить и первый этаж. К осени 1901 г. были закончены ремонт и меблировка новых залов первого этажа. Существовавшая экспозиция была полностью разобрана. В это время в штате музея, помимо его директора, состоял старший этнограф Д.А. Клеменц. Предусмотренная в штате должность младшего этнографа была не замещена. Вне штата (по вольному найму) работали регистраторы коллекций (Н.М. Могилянский, К.К. Гильзен, Е.Л. Петри, Ю.В. Людевиц, С.М. Дудин). Кроме того, в музее продолжали работать хранитель Ф.К. Руссов и старший слушатель П. Саминов.

Создание новой экспозиции — крайне напряженная работа для небольшого штата музея. И именно в этот момент из МАЭ ушел Д.А. Клеменц, чтобы занять должность заведующего вновь созданным этнографическим отделом Музея Императора Александра III. Вместе с ним ушел на должность хранителя того же музея Н.М. Могилянский. В.В. Радлов остался без основного и самого опытного в музейном деле сотрудника именно в тот период, когда он предполагал огромные для преобразования музея планы.

Знания и в еще большей степени память хранителя К.Ф. Руссова были, несомненно, необходимы и ценны, но его вряд ли можно было рассматривать как единомышленника на перспективу: он был серьезно болен. К.К. Гильзен только в свободное от службы в другом учреждении время мог принимать участие в музейной работе. Оставалась только Е.Л. Петри, на которой лежали все текущие дела [Штернберг 1907: 50–53].

Как справедливо заметил В.Г. Богораз, «счастливая звезда привела его в Петербург к дверям МАЭ РАН и сблизила его с академиком В.В. Радловым» [Богораз 1927: 277]. «Счастливая звезда» Л.Я. Штернберга упоминается не случайно. Он попал в МАЭ именно в тот момент, когда обстоятельства сложились самым благоприятным для его карьеры образом. В.В. Радлов не просто пригласил его работать вольнонаемным регистратором коллекций (как, например, В.И. Иохельсона и В.Г. Богораз), а предложил ему в близкой перспективе занять штатное место Д.А. Клеменца. Не удивительно в сложившихся обстоятельствах, что Л.Я. Штернберг, ошеломленный предложением столь высокого поста, «долго и упорно отказывался, но академик В.В. Радлов, успевший к этому времени хорошо с ним познакомиться и, очевидно, оценить, не менее упорно настаивал» [Ратнер-Штернберг 1928: 32].

Одна из первых задач, которую должен был решить В.В. Радлов при реорганизации музея, — это регистрация и каталогизация коллекций. Тысячи предметов были рассортированы и каталогизированы за 1898–1903 гг., и работа эта была организована и выполнена на самом современном уровне. По плану строительства новой экспозиции предметы в шкафы помещались только после их полной регистрации [Штернберг 1907: 53–54].

В частности, экспозиция по этнографии Северо-Восточной Азии была построена главным образом на обширной коллекции, собранной начальником Анадырской округи Н.Л. Гондатти [Путеводитель по Музею антропологии и этнографии 1904: 20]. Собрание это было разбито при регистрации на 12 коллекций. Полагаю, что первой музейной работой Л.Я. Штернберга в МАЭ была регистрация именно этих коллекций. По возрастанию коллекционных номеров первые четыре коллекции были зарегистрированы в 1898 г. В.И. Иохельсо-

ном, следующие шесть коллекций — в 1899 г. В.Г. Богоразом. И завершил регистрацию Л.Я. Штернберг.

По мере регистрации коллекционные предметы перемещались в выставочные шкафы. К концу 1903 г. весь нижний этаж был выставлен единолично Л.Я. Штернбергом при участии одного служителя И.Н. Субоча. Сюда вошли все коллекции по Сибири и Северной Америке, а также все собрания по Южной Америке, помещавшиеся тогда в одном шкафу.

Стоит отметить, что в 1903 г. состоялась первая зарубежная командировка Л.Я. Штернберга. И приступил он к монтажу экспозиции после того, как ознакомился с современными приемами экспонирования в ведущих этнографических (антропологических) музеях Берлина, Лейпцига и других городов Европы.

К 200-летию Санкт-Петербурга 3 декабря 1903 г. в четырех залах открылся, по существу, новый музей — Музей антропологии и этнографии (уже не «преимущественно России») имени Петра Великого. К открытию новой экспозиции был выпущен новый путеводитель под редакцией Л.Я. Штернберга, с написанным им предисловием и разделами в описании отделов Сибири и Америки.

Казалось бы, такой объем рутинной музейной работы, выполненной всего за два года, не оставлял времени ни на что другое. Но Л.Я. Штернберг, руководствуясь напутствием В.В. Радлова — «Музейные люди вырабатываются в процессе работы» [Ратнер-Штернберг 1928: 32] — включился и в решение задач более высокого уровня. Его чрезвычайно интересовали проблемы перспективного музейного строительства. Первая задача, к решению которой он активно подключился и которой весьма успешно занимался, — это организация целенаправленного собирания музейных коллекций и подготовки собирателей. Эта обширная сфера деятельности Л.Я. Штернберга в МАЭ, а также научная (внемузейная) работа ученого остаются за рамками статьи.

Остановлюсь на социально-бюрократическом аспекте карьеры Л.Я. Штернберга в МАЭ. С 1 января 1902 г. он состоял на службе по вольному найму, временно исполняющим обязанности младшего этнографа МАЭ [Формулярный список о службе 1902–1927: 9]. В этом же году по ходатайству В.В. Радлова и других членов Академии наук Л.Я. Штернбергу было разрешено сдать экзамены по юридическому

факультету Санкт-Петербургского университета. Получив, наконец, диплом о высшем образовании, он был зачислен на должность младшего этнографа МАЭ. Должность старшего этнографа осталась незамещенной (его оклад был разделен между служащими). В 1904 г. Л.Я. Штернберг получил пост старшего этнографа МАЭ и стал в музее вторым после Радлова лицом.

В 1912 г. были утверждены новые штаты музея. Судя по выписке из протокола заседания АН, В.В. Радлов ставил перед комиссией по штатам вопрос о необходимости особой должности помощника директора, но возможности такой не получил. Было дано добро на то, чтобы возложить обязанности такового на одного из старших этнографов (их было на тот момент трое). В.В. Радлов попросил АН возложить обязанности помощника директора по общему наблюдению и обзору за музеем на Л.Я. Штернберга, подчеркнув при этом, что он «и до сих пор фактически успешно нес эти обязанности в течение многих лет» [Формулярный список о службе 1902–1927: 101]. К 1915 г. груз управления музеем во многом лежал на плечах Л.Я. Штернберга. Регулярно проводившиеся заседания ученого персонала музея в 1917 г. в соответствии с духом времени превратились во вполне легитимный «совет» сотрудников музея [Ратнер-Штернберг 1928: 55].

12 мая 1918 г. В.В. Радлов умер. Смерть его была ударом для Штернберга. Они проработали вместе 20 лет, были друзьями, соратниками, единомышленниками. Став после смерти В.В. Радлова председателем «совета» МАЭ, Л.Я. Штернберг де-факто стал директором и предпринял первую попытку оставить за собой пост директора официально. Чрезвычайное заседание ученого персонала МАЭ обратилось к Академии наук с просьбой не назначать нового директора, возложив эти обязанности на помощника директора (т.е. на Л.Я. Штернберга) до истечения годовичного траурного срока — до 12 мая 1919 г. [Решетов 1995 а: 41].

Вероятно, он надеялся, что Академия наук, учитывая веяния времени, откажется от традиции назначать директора музея исключительно из действительных членов РАН. Однако Академия наук проигнорировала просьбу совета МАЭ, и 23 октября 1918 г. комиссия, назначенная для этой цели, попросила возглавить музей академика В.В. Бартольда. Несколько позже, 22 апреля 1921 г., он был еди-

ногласно избран на должность директора сроком на три года. Как и В.В. Радлов, он был известным лингвистом, востоковедом, специалистом по Центральной Азии. Но, к сожалению, как признал позже и сам В.В. Бартольд, он «оказался совершенно неспособен к музейной работе» [Решетов 1995: 39].

С В.В. Бартольдом сотрудничество не сложилось. И дело, конечно, не только в личных отношениях. В.В. Бартольд, вероятно, не в полной мере включался в дела музея. А Л.Я. Штернберг к этому моменту, очевидно, полагал (и вполне справедливо), что его заслуги перед музеем, его опыт и научный вес позволяют ему по праву занять пост директора МАЭ. Не останавливаясь на этом подробно, сошлюсь на авторитетное мнение С. Кана, который полагает, что к 1910-м годам Л.Я. Штернберг был одним из ведущих российских этнологов и одним из наиболее известных за рубежом российских антропологов [Кан 2009: 141].

Поставленный АН перед фактом назначения нового директора, Л.Я. Штернберг продолжал действовать как фактический директор музея. В.В. Бартольда настолько раздражало поведение Л.Я. Штернберга (его «самоуправство»), что по его ходатайству Штернберг получил несколько выговоров от комиссии, курировавшей МАЭ. Между тем, не проработав после своего избрания и полугода, В.В. Бартольд подал в отставку. Л.Я. Штернберг, разгневанный вынесенными ему порицаниями, также хотел подать в отставку, но любовь к музею и возможность продолжения борьбы за директорство победили.

Попытка Л.Я. Штернберга организовать выборы директора без согласования с Академией наук была вновь ею пресечена, и место покинувшего пост директор В.В. Бартольда 2 ноября 1921 г. занял академик Е.Ф. Карский [Решетов 1995 а: 51; 1996: 24, 25, 43]. В 1924 г. Л.Я. Штернберг был избран наконец членом-корреспондентом. Как свидетельствует неопубликованная статья (написанная, скорее всего, его вдовой), он продолжал чувствовать недовольство членов Академии даже после своего избрания.

В 1927 г. открылись две вакансии академиков, но Л.Я. Штернберг не был включен в список кандидатов [Кан 2009: 477], т.е. Л.Я. Штернберг в МАЭ не добрался до вершины карьеры. Он не стал академиком, не стал и директором музея.

Между тем его социальная карьера представляется из ряда вон выходящей. Успешная работа в МАЭ, продвижение по штатным должностям музея сопровождались получением титулов правительственного служащего. В 1903 г. Л.Я. Штернберг получил титул надворного советника, в 1905 г. — коллежского советника и в 1908 г. — статского советника. При получении чина надворного советника автоматически следовало личное дворянство. Такая карьера на государственной службе для еврея (и, что значительно более важно, для иудея по вероисповеданию) представляется если не исключительной, то весьма редкой.

В соответствии с законодательством России, различие вероисповедания или племени не могли препятствовать определению на службу. Евреи, имевшие ученые степени (диплом 1-й степени университета приравнялся к ученой степени), допускались на службу по всем ведомствам. Государственная служба была двоякого рода: служба на должностях, дававшая чины и пенсию, и служба по найму. В большинстве случаев евреи, состоявшие на государственной службе, были на службе по найму. Именно такие должности имели в МАЭ до 1917 г. В.И. Иохельсон и В.Г. Богораз — сверхштатные служащие по вольному найму. Л.Я. Штернберг же получил высокий административный пост, на который евреи, как правило, не назначались. Еще раз подчеркну, что это относилось в первую очередь к евреям иудейского вероисповедания.

При поступлении на службу необходимо было принести присягу. В личном деле Л.Я. Штернберга хранится бланк этого «Клятвенного обещания» служить верой и правдой Государю Императору. На отпечатанном типографским способом бланке слова присяги («Клянусь Всемогущим Богом пред святым его Евангелием») подверглись правке. Слова «Пред святым его Евангелием» обведены рамочкой с выноской от руки: «Богом Израилевым, с чистым сердцем» [Формулярный список о службе 1902–1927: 22].

По мере продвижения по ступеням государственной службы Л.Я. Штернберг получал и положенные чиновникам награды: орден св. Анны 3-й степени, а затем и орден св. Станислава 2-й степени. Среди бумаг фонда Штернберга сохранился Указ Императора Николая II о награждении в 1907 г. орденом св. Анны за заслуги перед

русской наукой с трогательной пометкой награжденного: «Весьма любопытный факт!» [Дубовец 2003: 29].

С работой в МАЭ связаны были, конечно, не только и не столько карьерные устремления Л.Я. Штернберга, но и соображения другого порядка. Музей, который Л.Я. Штернберг строил вместе с В.В. Радловым, а затем и самостоятельно, — это воплощение его научных воззрений и общественно-политических устремлений. Именно поэтому Л.Я. Штернберг придавал такое значение вопросу экспонирования коллекций. При непосредственном его участии были созданы две постоянные экспозиции музея: экспозиции 1903 и (1914) 1925 годов.

Созданная в 1903 г. экспозиция размещалась в залах первого и второго этажа здания в Таможенном переулке. Эта экспозиция была дополнена тремя новыми отделами¹ в 1908 г., когда был надстроен третий этаж здания. К 1914 г. в связи перспективами передачи музею здания Кунсткамеры был подготовлен проект кардинально расширенной экспозиции. Этот проект был представлен Николаю II во время его известного визита в музей 5 марта 1914 г. Удалось осуществить эти планы только в 1925 г., когда по случаю празднования 200-летия АН БАН переехала в свое новое здание, а МАЭ, наконец, получил в свое распоряжение здание Кунсткамеры.

Свои идеи музейного строительства Л.Я. Штернберг сформулировал в ряде публикаций 1907–1925 гг. [Штернберг 1907; 1911; 1925; 1925 а]. Цель этнографического музея, по Штернбергу, — построение эволюции человеческой культуры. Идеальная конструкция такого музея должна была включать два отдела: «морфологический» и эволюционный. Морфологический отдел — это статика культуры по отдельным народам и периодам. Эволюционный (или синтетический) отдел должен представлять общечеловеческую культуру в ее динамике, в процессе ее эволюции и вариационности.

«Морфологический» отдел уже существовал — экспозиция 1903 г., построенная по культурно-этническим группам в географическом порядке и включавшая три отдела. Это отдел физической

¹ Археологическим, Центральной и Южной Америки, Туркестанских древностей (из экспедиции С.Ф. Ольденбурга). Здесь же помещена перевезенная из Эрмитажа галерея Петра I.

антропологии (эволюция человека в физическом отношении), отдел археологии и его прямое продолжение — отдел этнографии (общая картина эволюции разновидностей человеческой культуры).

«Тщательно было продумано расположение выставок: от показа физической эволюции человека, формирования расовых типов и демонстрации богатых археологических коллекций к ознакомлению с культурой современных народов — от австралийцев до китайцев и японцев» [Решетов 1996: 32–33]. Экспозиция демонстрировала картину культур различных народов и давала некоторое представление о процессе взаимодействия культур. В начале XX в. большая часть экспозиций в отечественных и зарубежных этнографических (естественно-исторических) музеях строилась примерно таким же образом, о чем прекрасно знал Л.Я. Штернберг, посетивший за время работы в МАЭ большую часть европейских музеев, а также Американский музей естественной истории в Нью-Йорке.

Для В.В. Радлова эта экспозиция музея — достижение намеченной цели. Музей был космополитическим и научным (академическим), его экспозиция была построена «на широком научном базисе эволюции мировой культуры» [Решетов 1995: 84] и обеспечивала более или менее полную картину эволюционного развития человечества и разнообразной культуры отдельных народов.

Представлениям Л.Я. Штернберга построенный таким образом музей соответствовал лишь отчасти. Для него «морфологический» отдел — это необходимая база, материал для дальнейшего синтеза. В эволюционизме его более всего привлекала идея общечеловеческой культуры. Правильно построенный музей должен был дать картину развития человечества в целом, т.е. представить картину эволюции общечеловеческой культуры во всех формах ее проявления: «Музей общей этнографии имеет своим предметом культуру всего человечества как в статическом, так и в динамическом отношении. Такой музей не только должен дать полную картину отдельных культур самых различных народов, но вместе с тем представить все фазы процесса развития и распространения общечеловеческой культуры» [Штернберг 1911: 462].

Музей Штернберга должен был давать посетителям урок гуманизма, представлять идею физического единства человечества и братства людей: «Должен выявить единство человечества в его

физической природе и в его психико-интеллектуальном творчестве» [Штернберг 1925]. Для решения этой задачи и предназначался второй (и основной) отдел музея. Эволюционный (типологический) отдел должен был представить взорам посетителей «величавую наглядную картину эволюции человеческой культуры» во всех ее проявлениях. Именно этот не существовавший отдел экспозиции представлялся Штернбергу «венцом всего музейного здания» [Ратнер-Штернберг 1928: 61].

В эволюционном отделе экспозиция должна была быть организована не по принципу принадлежности к тому или иному народу или культуре, не по отдельным народам и культурам, а по группам однородных культурных явлений в порядке их развития от самой низшей до высшей ступени. Предметы на экспозиции группировались без всякой привязки к их происхождению.

Структурно экспозиция должна была делиться на два крупных раздела: культура материальная и культура духовная, а внутри них — на отделы по группам культурных явлений (жилище, орудия, утварь, одежда и т.д.). Эти области культуры, в свою очередь, подразделялись на отдельные культурные категории. И в каждой области культуры каждая отдельная категория и каждый отдельный институт в каждой категории должны быть представлены в их главнейших типах, параллелизмах и разновидностях по возможности в эволюционном порядке (в виде генетически связанных и причинно обусловленных рядов), начиная с доисторического периода и до современного состояния в историческом развитии.

Так, в отделе орудий был предусмотрен особый отдел топоров, начиная с палеолитического и кончая самым совершенным типом — современным американским топором. А в реально созданной в 1927 г. выставке эволюция камня (функция метания) была представлена следующим рядом: камень — праща — бола — ручная граната современных культурных народов [Выставка первобытных... 1927: 7]. Хочу обратить внимание на то, что здесь Л.Я. Штернберг смело выходит за очерченные совместно с В.В. Радловым границы экспонирования, которые не предусматривали включение высших форм современной европейской культуры [Решетов 1995: 85].

В антропологическом разделе эволюционного отдела Л.Я. Штернберг мыслил представить генетику человека как особого вида и общую картину его расовых разновидностей.

Будучи реалистом, Л.Я. Штернберг понимал, что его любимый проект — новый отдел эволюции в МАЭ — мог быть осуществлен только в будущем: как минимум, требовались большие площади и многочисленные дубликаты предметов, которых музей не имел. Все же очевидно, что с самого начала своей музейной деятельности он ясно видел конечную цель. Элементы наглядного построения эволюционных схем Л.Я. Штернберг применял уже в экспозиции 1903 г. Согласно путеводителю, предметы внутри ряда культурно-этнических групп были часто расположены так, чтобы продемонстрировать развитие от простых форм к сложным. Например, модель простого жилища ительменов (XVIII в.) располагалась рядом с моделью современного жилища представителей этой же культуры [Станюкович 1964: 92]. В экспозиции 1905 г. по типологическому принципу была построена т.н. «галерея шаманов» (экспонировавшиеся на ней бубны, колотушки и костюмы шаманов различных народов позволяли делать типологические сопоставления).

Постепенно шло накопление фондов для будущего отдела. Не желая изымать предметы с уже существовавшей экспозиции, Л.Я. Штернберг закупал оригиналы и копии доисторических каменных орудий и других предметов в ряде музеев. Была собрана достаточно представительная коллекция луков и стрел из различных частей света. Наконец, когда в 1925 г. существенно расширились выставочные площади музея, Л.Я. Штернберг смог вплотную приступить к осуществлению своих идей.

В 1926 г. в МАЭ был создан отдел эволюции и типологии культуры (как структурное подразделение, но не отдел экспозиции). Отдел занялся систематизацией своих фондов, материальным оснащением, теоретической разработкой отдельных категорий явлений культуры. Новый отдел располагал более чем 800 предметами. Это были дубликаты предметов из других отделов, новые экспонаты, закупленные или собранные специально во время этнографических экспедиций в других отделах, муляжи, рисунки предметов, заполняющие недостающие звенья в эволюционном или типологическом ряду или иллюстрирующие применение этих предметов, карты, схемы, графики и пр.

Наконец, отдел занялся подготовкой временных выставок, которые в дальнейшем в своей совокупности и должны были соста-

вить новый отдел музея. Первая группа выполненных по плану Л.Я. Штернберга типологических выставок характеризовала производительные силы и производственные отношения первобытного общества. На выставке «Первобытные орудия и оружие» (1927), открывшейся уже после смерти Л.Я. Штернберга, были представлены типологические схемы, сопровождаемые картами распространения того или иного типа орудия или явления, а также «Родословным деревом», ветви которого показывали этапы эволюции данной формы. Наглядно, доходчиво было показано изменение различных исходных форм орудий, например палиц, соответственно разнообразным функциям: колющие (копье), копальные (копалки, мотыги, кирки и, наконец, плуг), оборонительные (щит), наступательные (пики, стрелы, дротики, дубины, булавы ручные и метательные, бумеранги) и др. Аналогичные ряды характеризовали эволюцию камня, лука и стрел, ножа, меча. «Попытка расположить коллекции по эволюционному принципу произведена, насколько нам известно, впервые. И нужно сказать, что эта попытка увенчалась успехом» [Черняков 1928: 119–122].

В дальнейшем отделе было подготовлено значительное число выставок: «Типы жилища», «Одежда в социологическом освещении», «Домашняя утварь», «Средства передвижения», «Жизнь ребенка в свете этнографии».

Вторая группа выставок должна была осветить «надстроечные» явления: «Организация классового и раннеклассового общества», «Наука», «Техника», «Искусство», «Религия» — и в основном осталась лишь в проектах. Последняя крупная выставка отдела «Экономические и общественные корни искусства» была открыта в 1929 г. [Станюкович 1964: 114–117]. В этом же ряду можно рассматривать и «Антирелигиозную выставку», открывшуюся в 1930 г. в Эрмитаже [Михайлова 2010].

В конечном итоге самый амбициозный музейный проект Л.Я. Штернберга — Эволюционный, или синтетический, отдел экспозиции МАЭ — так и не был создан. И причину этого следует искать не столько в трудностях технического порядка, сколько в проблемах концептуальных.

Музейная политика в СССР в целом приветствовала эволюционистский подход, в русле которого работал созданный Л.Я. Штерн-

бергом отдел, но требовала уже ясной и ярко выраженной идеологической составляющей, а та идеология, которую вкладывал в экспозицию Л.Я. Штернберг, была далека от марксизма. Он был последователен в своих убеждениях и никогда не отступался от народнического идеализма своей юности. Его интересовали не классовые различия и общественно-экономические формации, а идеи единства человечества, его поступательного развития, равенства различных культур. Этнография, археология, антропология, по Штернбергу, дают возможность воссоздать историю развития человечества, его путь к царству справедливости.

Он стремился создать музей, который показал бы посетителю, что «человечество идет к гармонии, где каждая культура будет звучать по-своему, как отдельный инструмент в симфоническом оркестре» [Гаген-Торн 1975: 196]. В более широком контексте неудача Л.Я. Штернберга в его музейном строительстве состояла в его упрямой приверженности классическому эволюционизму, от основополагающих теоретических построений которого уже отказались большинство западных и некоторые из советских ученых.

Библиография

Богораз В.Г. Л.Я. Штернберг как человек и ученый // Этнография. 1927. № 2.

Выставка первобытных орудий и оружия. Л., 1927.

Гаген-Торн Н.Г. Лев Яковлевич Штернберг. Л., 1975.

Дубовец Г.И. Фонд Л.Я. Штернберга в Архиве Российской академии наук // Народы и культуры Дальнего Востока: Взгляд из XXI века. Южно-Сахалинск, 2003. С. 27–32.

История АН СССР. М.; Л., 1964. Т. 2.

Михайлова Е.А. Выставочный проект Музея антропологии и этнографии «Антирелигиозная выставка в Государственном Эрмитаже» и ее создатель В.Г. Богораз // Радловский сборник: Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2010 г. СПб., 2011. С. 90–95.

Путеводитель по Музею антропологии и этнографии имени Императора Петра Великого. Этнографический отдел. СПб., 1904.

Ратнер-Штернберг С.А. Лев Яковлевич Штернберг и Музей антропологии и этнографии Академии наук // Сборник МАЭ. 1928. Т. VII. С. 35–67.

Решетов А.М. [подготовка к публикации, примечания]. Записка, представленная в академическую комиссию для рассмотрения вопроса об об-

разовании государственного музея антропологии, этнографии и археологии академиком В.В. Радловым // Курьер Петровской Кунсткамеры. 1995. Вып. 1. С. 82–85.

Решетов А.М. Василий Владимирович Бартольд // Курьер Петровской Кунсткамеры. СПб., 1995 а. Вып. 2–3. С. 37–53.

СПФ АРАН. Ф. 4. Оп. 4. № 823. Л. 101.

Станюкович Т.В. Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого. 1714–1964. Л., 1964.

Формулярный список о службе [Л.Я. Штернберга]. 25 января 1902 г. — 14 августа 1927 г. // СПФ АРАН. Ф. 4. Оп. 4. № 823.

Черняков З.Е. Выставка первобытных орудий и оружия // Этнография. 1928. № 1. С. 119–123.

Штернберг Л.Я. Музей антропологии и этнографии императорской академии наук в период 12-летнего управления В.В. Радлова. 1894–1906 // Ко дню семидесятилетия Василия Васильевича Радлова. СПб., 1907. С. 29–104.

Штернберг Л.Я. Русские этнографические музеи // Живая старина. 1911. Вып. III–IV. С. 453–472.

Штернберг Л.Я. Двухвековой юбилей русской этнографии и этнографических музеев // Природа. 1925. № 7–9. С. 46–66.

Штернберг Л.Я. Музей антропологии и этнографии. Человек и природа. 1925 а. № 9. С. 46–66.

Kan S. Lev Shternberg: anthropologist, Russian socialist, Jewish activist. Series: Critical Studies in the History of Anthropology / University of Nebraska Press. Lincoln and London, 2009.

П.А. Матвеева

**«Музей общечеловеческой культуры»
(еще раз о роли Л.Я. Штернберга и В.В. Радлова
в становлении МАЭ)**

В мае 2011 г. с целью выявления и публикации материалов из личных архивов потомков В.В. Радлова я отправилась в краткосрочную командировку в Казань. Моей задачей было взять интервью у доктора химических наук, профессора Вильяма Петровича Барабанова, правнука академика В.В. Радлова. В результате поездки у меня в руках оказались ценные материалы, которые были любезно переданы